

Так называется сборник избранных рассказов известного татарского писателя Рината Сафиевича Мухамадиева, лауреата многих литературных премий, депутата Верховного совета РСФСР, защитника Белого дома в октябре 1993 года, автора нескольких десятков книг, переведённых на несколько языков мира, работавшего ранее председателем Союза писателей Татарстана, затем директором Таткнигиздата, а ныне главного редактора федеральной газеты «ТАТАРСКИЙ МИР». Радостно читать такую книгу, осознавая при этом, что, слава Богу, жива ещё настоящая литература, есть ещё бескорыстные люди, отдающие свою жизнь на создание духовных ценностей, которые будут питать-согревать не одно поколение читателей. Чётко ощущается гражданская и нравственная позиция автора, сюжеты поучительны, как восточные притчи, но благодаря высокой художественной форме не дидактичны. Тот самый принцип Аристотеля — развлекая, поучать. Как настоящее классическое произведение, книга пропагандирует вечные ценности человечества в конкретной судьбе, в конкретных обстоятельствах, когда человек обязан делать нравственный выбор. Одновременно на примерах показывается и почтение к старшим, как безусловно должное в поведении людей, и трудолюбие, и уважение к людям труда, особо отмечена терпеливость и миролюбивость татарских жён в семейных обстоятельствах. Поражает, конечно, спектр охвата различных сторон жизни и, соответственно, богатство и творческая неповторяемость художественных приёмов, столь органичных, что

мастерство кажется естественным природным голосом мастера. У каждого рассказа — своя вибрация, своя аура при сохранении единого стиля внутри произведения: от лёгкого юмора и самоиронии, подтрунивания над собой, что весьма характерно для татарского народа, до эпической восточной поэтики. Владение таким спектром говорит не только о наличии у автора литературного дара, но и о снисхождении на него за служение людям божественного ильхама-вдохновения. А детальное описание, например, приёмов резьбы по дереву, жизни животных или насекомых, выраженное с любовью и профессиональным знанием, опять-таки превращаются в нравственные уроки и в увлекательное познание, а не в сухой репортаж на основе полученной информации. Тот самый случай, когда литература воспитывает, при этом читатель не ощущает нарочитости захватывающего и радующего душу процесса. Одушевление животных в произведении вообще восходит

к высочайшим образцам этого жанра. Тут невольно вспоминаешь и «Прощай, Гульсары», и «Бима, чёрное ухо», и другие произведения. Очень много в этой книге волшебного узнавания, казалось бы, собственного бытия с удивительным порой совпадением деталей, вплоть до дословного совпадения каких-то фраз героев. Это говорит об умении автора охватывать наиболее общие явления жизни во всём её многообразии, в результате чего многие полагают, что отдельные фрагменты написаны как будто о них. А умение передать задушевное звучание народных песен просто поражает своим магическим воздействием и достойно создания отдельной книги с явно богатыми познаниями автора книги с пластом фольклорной музыки.

Особо хочется остановиться на гражданской беспокойной позиции автора. Казалось бы, даже описания быта простых людей достаточно было бы при таком таланте для того, чтобы реализоваться, утолить свои творческие амбиции. Ан нет — неравнодушие честного человека, а не стороннего наблюдателя открыто заставляет его по закону совести говорить о несправедливости — социальной в данных условиях. И судит он преступивших алчностью и похотливостью отщепенцев общества (хоть и высокого административного ранга) самой высшей нравственной мерой, имея на это полное моральное право, являясь органичной частью своего богобоязненного народа, несущего веками сквозь угнетения и испытания чувство божественной справедливости. Читая эти рассказы, гордишься принадлежностью к этому чистому душой народу, сохранившему в центре России несмотря на все исторические и социальные катаклизмы свои нравственные основы, самобытность и традиции человеколюбия.

У большинства читателей нынешнего поколения ещё не утрачена связь с деревенскими корнями, а потому так знакомы и дороги узнаваемые картинки деревенского быта — многотрудного и очеловеченного во всех его проявлениях. Вспоминаются сразу и свои приключения, и ситуации прошлого, как будто и правда — отдельные страницы писались с твоей биографии. Но абсолютно все рассказы книги имеют сюжеты с неожиданными поворотами, непредсказуемостью, интригой, что очень украшает произведение. Без излишней детективной авантюры всё неожиданно и естественно, как частенько бывает в нашей непредсказуемой жизни, когда те или иные события и обстоятельства настигают нас врасплох, происходя как бы некстати, не вовремя. А уж как достойно мы выйдем из этих ситуаций, с какими потерями или уступками — это вопрос нашей внутренней цельности и нравственной зрелости.

Но обаяние мелодия книги, несмотря на весь драматизм судеб, мажорная. Нет безысходности, упадничества, так характерных для нынешнего искусства, когда человек чувствует себя брошенным и никому ненужным. Рассказы ценны примерами выхода из различных тяжёлых обстоятельств, не теряя чести и внутреннего мира, какую бы цену за это ни пришлось заплатить. Потому что автор и сам влюблён в жизнь, битый-перебитый ею, он полон надежд на лучшее, и душа поэта в нём по-прежнему не только рассказывает, но и поёт!!!

Предлагаем читателям «Аргамака» один из рассказов этой книги.

Хайдар Бедретдинов

РАННЯЯ ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

рассказ

Тётушке Фатыме показалось, что в окнах просиял свет, хотя день был пасмурным. Гостья застенчиво улыбнулась и сразу стала родной и близкой, хорошенькая, мягкая. Будто и встречались уже, и присмотрелись друг к другу. Угостить её захотелось вкусеньким, побаловать. Гостья! Слово-то какое ласковое.

Принесла из чулана копчёного гуся, творог и сладкую лапшу для чая. Благо, припала — не истратила.

Удивила лёгкость в ногах. Приостановилась, прислушалась. Какая-то чистая пружинка сжималась и разжималась в груди: ведь ничего особенного не произошло, ровным счётом ничего поразительного не случилось, а всё-таки — зазвенела пружинка... И вот эта сухость в теле обнаружилась, словно отлетали золотистые луковые кожурки. Как не удивиться?

И в погреб спустилась, принимая горячим лицом холод снега. Повторяла: «Чем богаты... чем богаты...» Поставила на стол каймак, катык со сметаной. На плите закипала молодая картошка, парок кудрявился из-под крышки. Тёплый запах плыл по дому. А тут ещё и самовар зашумел, запел, блистая у печи боками, сыпал угольки на жестянку. Зазвенела посуда.

— Нет-нет, сюда садись, поближе к серёдке. Зачем жаться на табуретке. Нас двое, миленькая, ждуть больше некого, тебе и угощаться. Земля уродила, земля и угостила.

Гостья преодолела смущение, села лицом к окну и погладила ладонями скатерть. Поблизости пошумливал самовар и множил на зеркальной поверхности её лицо. От жара заалели щёки. Она и была похожа на дикое румяное яблоко, спрятавшееся было поглубже в листву, а солнечный луч выхватил его, откинув ветви: вот я, бери! И создавалось такое впечатление, что она, гостья, только что выскользнула из дождя, едва успела обогреться и обсохнуть. И вот собралась пить чай.

Тётушка Фатыма исподволь рассматривала девушку, точно между делом взглядывала, коротко, — не станешь же любоваться в открытую, как забавной картинкой! Переставляла чашки, резала хлеб, взмахивала полотенцем, а глаза, не упираться же им в стену, мелькали в сторону нежного лица девушки.

— Как зовут тебя?

Задать бы раньше этот вопрос, но побоялась быть навязчивой, грубой с порога, посчитала — выждать не помешает. Да и девушка выглядела растерянной, стояла углышком, вроде бы неожиданная.

— Эльмира я, апа, — сказала девушка. Дрогнула уголками губ. — Можно звать Элей, как подружки зовут. Так попроще.

Ах ты, как говорит слаженно! Слово одно к одному ложится, вся такая подобранная и ладная. Ресницы длинные, глаза накрывают тенью, как ветерок их обдувает. Какого цвета глаза — и голубой цвет, и зелёный, но будто приглашенные глубокой тенью. Молодые глаза больше для света, им бы смеяться, перебежать с цветка на цветок, с подсолнуха на подсолнух... Почему-то именно он, подсолнух, возник и расцвёл над столом, так увидела тётушка Фатыма свою молодость. Лепестки закружились и опали среди чашек.

— А мне как обращаться к вам? — спросила девушка Эльмира. До чего уважительная, плеча коснулась, — Так хорошо у вас, просто чудненько. У вас лицо молодое, без морщин.

Возразить бы, но греют слова, ложатся на душу. В городе так положено, наверное, приветить человека, окружить со всех сторон теплом. Нет, там — суета, там — спешка, там — людей не считаешь, где же поспеть с лаской да обхождением на каждого. Может, лишь к родственному сердцу так-то... Понеслись мысли одна за другой. С виду — пустяк, а переполошилась тётушка Фатыма, залетала, как опоздавшая птица над осенним полем.

— Была Фатымой до-олго, а теперь кто тётушкой, кто бабушкой называет. Всяко ладно, обиды не держу.

А сама следит насторожённо, ждёт, что скажет собеседница. Пускай наоборот скажет, польстит маленько, слукавит. Ну, конечно, — дождалась.

— Ах, апа-душечка, да вы же просто прелесть. До бабушки вам ой как далеко! Невесты так улыбаются.

— Ох, золотко! — только и вздохнула тётушка Фатыма. Слова же погладили, утешили, потому что сказаны были так искренне, так простодушно, что не грех и обмануться. Окатилося лицо радостью, залучились глазки, рука потянулась к волосам убрать седую прядь. И тут же застыдилась тётушка Фатыма, обежав языком десны, спрятала внезапную улыбку — не все зубы целы, вот беда, чем похвастаешь? Прикрыла платочком уголок рта. И это движение, робкое и как бы опасливое, свойственное только деревенским женщинам, неожиданное и естественное, растрогало девушку ещё больше — ай да тётушка Фатыма!

— Спасибо, дочка, за речи твои сладкие. Как халвы поела, — сказала хозяйка. — В дом мой вошла, молоденькая. Красоту свою мне показала. Это же редкость большая, красота. Когда была молодой... Там сеном пахнет, свет к тебе ушёл. Прежде я на постой не пускала, боялась чего-то. Но тут уговорили, я и сдалась. Дескать, куда же молодость девать, как не под крыло старых, уж и не перечь, соглашайся. Неделя разве время? Картошку соберут — и попрощаешься. Одну тебя мне определили...

Не хотелось подниматься из-за стола, чаёвничала бы, казалось, до бесконечности, звенела ложечкой. Всё было желанно.

Постелила гостье в передней комнате, взбила перины из гусяного пуха — он так и заходил волнами под руками тётушки Фатымы.

— Женихи пусть приснятся, — сказала шёпотом. Девушка не услышала. Томилась, выглядывала на улицу.

Но когда и легли, продолжили разговор. Эльмира скорее отвечала, затихая, а тётушка Фатыма никак не могла успокоиться, придержать слова. Вместе с дыханием и журчала её речь. Так и поведала о прожитом в темноте надвигающейся неслышно ночи, доверилась.

Жизнь протекла как большая река. Нет, не протекла, а всё течёт, не больно-то показывая глубину. Чего только не было на её берегах, какие льдины сплыли вниз по течению, истаяли? Да на расстоянии что за удивление, вблизи же — изумляться и окатываться тревогой. А поверху глянуть — так вообще удивительного и в горсть не соберёшь. Однако жизнь и скопилась, даже похвальной грамотой не пометила, не выделила из своих, деревенских, вернее, подравняла и успокоила. Самая обыкновенная получилась жизнь — и труд, и слёзы, и радость, что же, по очереди в окна стучит, одному — чаще, другому — осторожнее.

В восемнадцать лет вышла замуж, а не успела до девятнадцати добежать — вдова. Весной сорок первую свадьбу отгуляли, через два месяца — война. Муж, Мухамметвали, только за топор взялся, чтобы обстроиться... Девичьи слёзы быстро сохнут, так говорят. Соль остаётся. Первое письмо пришло со станции Кукмор, это рядом, сорок вёрст всего — а уже соскучился Мухамметвали. Второе — из-под Москвы, третье — с Украины. А дальше — плачь, Фатыма, терзай подушку... До сих пор ждёт.

— Миленькая апа, а любила ли ты его? — вдруг спросила девушка.

Вот так сразу и нарушила налаженный было ход мысли: любила ли? Что ответить на простой вопрос? Как же слова подобрать? Разве потревожишь бывшее случайным огорчением?

— Любила ли, кто же о том знает... Песню споёшь — и то сладко. Ведь в старые времена не часто произносили такие слова. Это теперь не успеют познакомиться, а уже начинают любить с первого раза до могилы... У Мухамметвали была большая семья, но все друг друга держались, трудолюбивые. Целыми днями пропадали на колхозной работе... Хлеба в тот год уродились большие. Ночевали на сеновале. Там, наедине,

долго, очень долго разговаривали. Не могли уснуть. У Мухамметвали была одна мечта — осенью, когда кончим с уборкой, срубить сруб и поставить пятистенный дом, отделиться от отца. Я говорила ему: «Ну зачем пятистенный, пусть хоть маленький, только свой?» А он мне: «Зачем он нужен, если не пятистенный... В каждом углу по мальчику, от меня тебе наказ такой. Остальное, девочек, сама распорядись», — любил он шутить. А жизнь была крутая, как остывшее тесто, э-э-эх... и место присмотрели под фундамент, монетку зарыли. Гуляли. Сплели плетень. Весной картошку посадили. Да-а... Вон ведь как получилось, даже забеременеть не успела, совсем одна осталась.

— Вот этот дом! — вдруг оживилась тётушка Фатыма. — Стоит, не заваливается. Когда пришла победа и немного оправились, я сама его построила. Миром подняли. Помогли и родные, и колхоз. Хотела, чтобы пятистенный... по давней мечте. Казалось, что вернётся Мухамметвали. Как же подумать, что потеряется без вести! Живой был, упрямый... Нет, не такой, чтобы потеряться. Вернулись ведь те, кого давно похоронили и ждать перестали... Хотя не перестали, нет, доченька. Говорят, без надежды один шайтан живёт. На что же я-то жила? Поклялась ждать. Проводила его за деревню, до высокой горы. Оттуда вся деревня была видна как на ладони. Через клятву верности разве переступишь не споткнувшись? Ах, Мухамметвали, муженёк драгоценный...

Журчал в темноте голосок тётушки Фатымы, печаль одолела постаревшее сердце — на дне его каждая беда лежит в сохранности. Трава нарождалась и сникала, утекало времечко. Только в истоке утолять жажду.

Были такие, что пытались как-то вмешаться в её судьбу. Рассуждали просто: отдала должное памяти — и хватит. А вдовий порог из золота, так говорят. Дверь лишь для видимости притворена. И в окошко, бывало, стучали из-под цветущей вишни. Но стоило взглянуть на довоенную фотографию, душа напрягалась в бесполезном ожидании. Да, конечно, знала уже — не вернётся, а всё ж таки... Наезжали бойкие люди из города, фотографию и увеличили. Вместе с мужем не удалось при жизни сфотографироваться. Так она им его снимок бледный вынесла, попросила увеличить. А они, как в сказке, и в костюме его принарядили, и галстук с неба сняли, и что уж совсем необыкновенно, рядом с Мухамметвали тётушка Фатыма оказалась в облике невесты. Соединили... Озорники по святому делу. Очень хорошо придумали. Теперь есть на чём глазу задержаться, утешиться. Ведь такие живые рядышком, не поодаль. голова к голове примоединяется, клонится — глядят из отшумевших лет. Будто бы и дом обживают вместе. Ах, да что говорить, другого не было. Ни пылинки не легло на след Мухамметвали. Шайтан не попутал грехом. Дом вот позабыл о веселье. Никого не пускала на ночлег, уговаривай не уговаривай — ни в страду, ни в другую беспокойную пору. Девушку Эльмиру вот приглубила...

Тётушка Фатыма словно колыбельную пела. Она могла бы так сладко беседовать до рассвета, уж больно девушка пришлась по душе. Ей много не надо, был бы собеседник, не затворяющий слух.

Впрочем, Эльмира давно спала. И дышала тихо-тихо. Ни единого шороха не нарушало покоя. Тётушка Фатыма догадалась, что сама себе пересказывает жизнь — в который раз...

Она, неслышно ступая в шерстяных носках, прошла в малую комнату. Чтобы отвлечься, поставила тесто — будет чем порадовать гостью.

День родился солнечным, ясноглазым, как младенец. И облачко не туманилось. На вьюнках лежала обильная роса.

Куры спустились с насесты, выходили по одной во двор, хлопали крыльями, отряхивая остатки ночи. Селезень щипал травку у забора, соблазнившись поблёскивающими капельками росы.

Гостя проснулась, когда на сковородке зашипело масло. Кому хочется расстаться с мягкой постелью? Необъятный пух ласкал грудь. Она только в щёлочки век процеживала утро, нежась в тепле. Лучи толпились на половицах, наклонно падая из окна.

Эльмира немного полежала, привыкая к новому положению, к тишине вокруг, запаху блинов, к лоскутной дорожке на полу. Жить предстояло бесконечно. Тут же захотелось посмотреть на себя в зеркало, как обычно. Она свесила ноги и покачала ими на весу. Погладила колени. Утренняя истома пробуждала желание. Она подкралась к зеркалу, рассыпав волосы. И вот отразилась вся в нём, освобождённая от ночной рубашки, очень неожиданная среди незнакомых предметов. Тело помаленьку охлаждалось. Эльмира любовалась собой, пересчитывая родинки. Такие минуты она всегда любила, но здесь всё выглядело иначе, точно облако света обволакивало её, возносило легонько, покачивало. Она мечтательно шурилась, причмокивала, как удивлённая девочка, то отступала назад, то придвигалась вплотную к зеркалу — вот только что видимы были тонкие лодыжки, а вот луч скользнул по плечу, сбежал вниз: какая она крепенькая, гладкая, руке приятно задерживаться в задумчивости.

— Встала, доченька? — окликнула её тётушка Фатыма, не показываясь из-за цветной занавески.

— Выспалась, апа-душенька! — с удовольствием отозвалась девушка. Накинула халатик, собрала волосы в горсть. Мелочи утреннего туалета доставляли ей наслаждение.

Наконец откинула занавеску. Хозяйка ахнула:

— Какая ты красивая!

Тётушка Фатыма дотронулась до плеча Эльмиры, будто желая убедиться, что сияние идёт именно от девушки.

— И как вы живёте совсем одна? — сказала девушка. — Никто вас не видит по утрам. И ведь не месяц, не год, а так долго-долго. Как представлю... Нет, даже представить страшно.

— Кто же выбирает для себя? Жизнь по-своему поворачивает. Пусть тебе пух под ножку стелется. А я уж потерплю.

— Зачем?

— Бог всё знает и сердцем движет. Для нетерпения уздечка есть.

— Какая уздечка?

— Долг, — сказала тётушка Фатыма. — Так-то, доченька.

— И вы за эти сорок лет ни разу не полюбили?

— Я мужняя жена, а не вертихвостка. Голова ещё в порядке.

Огонь из печи залетал на лицо, опахивал жаром. Кончики ушей тётушки Фатымы стали розовыми. Закрыла дверцу печки.

— Что за любовь без долга? Решето.

Стопка блинов росла под рукой. Почудилось, что отпугнула девушку.

— Ты открой окна, погляди пока на улицу. Я скоренько, скоренько.

— Денёк сегодня замечательный! — сказала девушка. — Ещё эту картошку собирать, вот наказание...

Солнце постепенно становилось похожим на медную начищенную миску. Вытягивались облака, стелились над лесом длинными перьями. Солнце, как будто прощаясь,

брызнуло по окнам ярким блеском и накрылось верхушками деревьев. И этот блеск ещё жил какое-то время моментальной вспышкой воспоминания.

Улеглась пыль от возвратившегося стада. Лишь на горке оставалось облачко от промчавшейся телеги.

Ещё бродили по улице облепившиеся овцы, тычась в ворота.

Тётушка Фатыма подошла козу. Поставила банку на стол. Какие могут быть хлопоты у одинокой женщины? Всё давным-давно отлажено, всё делают руки сами, без принуждения.

Вышла к воротам. Села на скамейку. Есть кого ждать.

«Неужели до сих пор собирают картошку? Свои, деревенские, вернулись к закату, чтобы встретить скотину... Не станут же принуждать заезжих трудиться дотемна, у тех и привычки нет... Скорее забава для них, вольным воздухом подышат, и ладно...»

Несколько раз вскипал самовар. Переставляла чашки с места на место. Вот сейчас, вот сейчас, думала. Чужой смех обманывал слух, опять сидела на лавочке. Непривычное беспокойство и смущало и притягивало тревогой.

«А не сходить ли к Зайнаб, у неё тоже постояльцы. Может, заскучала, вдвоём-то повеселее ждать. Во все года жили бок о бок, как погорельцы...»

И засемила тётушка Фатыма на Нижнюю улицу. Подол мешал быстрому движению. Забыла, когда бегала, — запыхалась. Сердилась на кочки.

Зайнаб рассмеялась, узнав причину поспешности.

— Растрясла кости, голубушка ты моя. Нашла о чём тревожиться. Молодым только и пропадать. Мои не слишком задержались. В клуб убежали. Хоть в дом зайди.

— Что я там не видала. Ждать пойду. Дороги-то две, какой пойдёт, не знаю.

— Чайку бы попили с мёдом, — настаивала Зайнаб. — Без тебя найдёт дорогу.

— Не скажи, не скажи, — заторопилась тётушка Фатыма.

— Совсем у тебя в голове туман, тропки перепутались. И зачем занозу ищешь?

Про Зайнаб поговорка была: «Всё на свете один аллах слышит, а потом уже и Зайнаб догадывается...».

До дому путь был короче, кочек и не заметила. Подгоняла мысль: вернулась, у дверей томится, ругается, чего доброго...

Пусто. Где она, горемычная?

На деревню опустилась темнота. Но тётушка Фатыма не оставила скамейку, следила, как огни рассыпались по окнам. «О аллах, помоги распутать узелки!» — совсем переполошилась одинокая женщина от свалившейся заботы.

Долго горел свет в доме. Кидалась на каждый шорох за дверь. А то и во двор выходила, высвободив ухо из-под платка. «И не предупредила. У кого спросить совета? Никому нет дела...»

Темнота между тем совсем заровняла углы. За цепочкой огней будто сразу лес начинается. Городскому человеку где разобраться в такой кромешности!

Может, задремала с вязаньем тётушка Фатыма, голова сама припала к подушке. Надолго ли? Только вздрогнула от шума машины возле окон. Отворила раму через цветы в голубые сумерки. Пахнуло свежестью. Брезжит уже.

Вблизи ворот стояла грузовая машина. Да не видать было, чтобы кто-то вышел из неё. В кабине, правда, разговаривали.

Так и выжидала, прижавшись к косяку. Попробуй вспомни, когда вот так дышала прохладой ранней осени. Боялась потревожиться: а вдруг заметят?

С внезапным щелчком отворилась дверца машины. На землю спрыгнули двое. Мужчина говорил баском. Приезжий, наверное, на пиджаке что-то поплёскивает: орден, что ли? А Эльмира озябла, но всё равно смеётся ласково. Он её укрывает, во-он какой большой, сильный. Что это, что это, на руки хочет поднять, озорник! У калитки остановились. Прощаются. Откуда же он взялся, ненаглядный, задерживать по ночам городскую девушку.

— Вы уж, апа-душечка, не ругайте меня, — запела с порога Эльмира, увидев одетой тётушку Фатыму. — Почему поднялись так рано? А я только и мечтаю поспать. Ноги отсырели, роса.

Всего несколько слов успела сказать Эльмира, и успокоилась тётушка Фатыма. Вполне достаточно, что жива-здорова, целенькая вернулась. Зачем допытываться — где была и с кем? Не помutilись глазоньки. Да и по какому праву указывать молодости, назидать? И только сейчас стало понятным ожидание, тоска по исчезающему вдруг человеку. Видно, это с давних пор закрепилось в сознании, обожгло кровь — терять. Вроде бы ничего особенного: запоздала, с кем не случается, не своя ведь кровинка. Тётушка Фатыма ужаснулась самой возможности исчезновения.

Машина заурчала под окнами, как дверь в утреннем покое. Вспыхнули фары, озарив дорогу.

— По-оехал! — сказала Эльмира.

— Гуляли маленько, — посмеялась в ладошку тётушка Фатыма. — Дружите. Так и до свадьбы добежите.

Она готова была разделить с гостьей радость встречи с желанным.

— Ой, да что вы! — искренне удивилась Эльмира. — Просто было настроение.

«Стесняется девушка», — решила тётушка Фатыма.

— Из Казани вместе приехали? — не удержалась с вопросом.

— Не-ет, — сказала Эльмира. — Он тутошний. Может, из соседней деревни. Я за-была спросить. Да и на что мне?

Тётушка Фатыма как будто и не расслышала. Она уже осудила своё любопытство, полагая — о тайном не делаются вот так, впопыхах.

— Столько я передумала! И в лесу-то заблудилась, и ещё чего пострашнее... А он любит тебя, готов на руках носить. Я в окно видела. А слышать, нет, не слышала.

— До чего вы, апа, наивная, — улыбнулась Эльмира. Откинулась головой назад, потрянула волосами. — Погуляли, и всё.

Потянулась вверх, закрыв глаза.

— Не дошла до постели, вот дурёха, — укурила мягко себя.

Дни ранней осени сгорают быстро, как спичка на ветру. Не успеешь оглянуться — вечер.

Эльмира поднималась рано и, наскоро перекусив, спешила в поле.

Тётушка Фатыма хлопотала по дому. Да и к зиме надо было готовиться — то в огород, то к печке, то половики вытрясти. Не на кого положиться. Вроде обычные заботы, но одна к одной — вот и дня осталось на доньшке. Вечера быстролётны. К тому же гостя живёт по своему распорядку: возвращается когда захочет. Пускай дышит на воле, в городе-то небось теснота и сутолока. Но поджидать её всё равно приятно, тревога миновала. Привыкла тётушка Фатыма к её беспечности. Зато будто и одиночества нет с ожиданием. Придёт, ясное дело. И эта определённая скрашивала монотонное существование. Сколько осеней было на веку. Приходили, озарённые, мелькали листьями. Однако за каждой мерещился холодный дух зимы, он и подгонял время.

Девушка Эльмира украсила собой сумерки.

В последний рабочий день она вернулась намного раньше. Отъезд её радовал, тени отлетали прочь.

— Ой, апа, скоро я покину вас. Думала, неделя эта не кончится. А как представлю, нет моей апы-душечки, просто плакать хочется.

— Бог даст, встретимся ещё. Дороги в клубок свиваются, к одному гнезду. Для глаза всё близко. От деревни до Казани и вздремнуть не успеешь. Однако для меня теперь всякий путь долог.

Пожилая женщина расчувствовалась, отдаляла день расставания, но он всё-таки наступил. Опять осиротеет дом. А дальше пойдут шуметь метели, обложат дом наглухо.

Эльмира ушла за занавеску охорашиваться и затихла там. Потом раздался голосок:

— Не разорваться же мне пополам... Я о том, апа, что идти мне надо. Конечно, неплохо было бы посумерничать вдвоём. В последний разок наговориться. Везде ждут. Последний день — пропавший день, одни переживания.

— О чём печалиться, разве я тебе приказываю? Сейчас на пригорках светло. Гуляй сколько вздумается, прощайся, — вздохнула тётушка Фатыма.

Не удержишь так не удержишь. Вон срок пришёл, и листья охватило пламенем.

— Но я постараюсь отбиться...

Эльмира не успела договорить. Только отёрнула занавеску и приблизилась, сияющая, душевная, к тётушке Фатыме... Послышался гудок машины, продолжительный, бархатный.

Гостя захлопнула рот ладошкой, метнулась назад, к зеркалу, где всё было разбросано в беспорядке.

Хозяйка тоже изумилась: опять машина, но не грузовая. И гудок с гонором. Легковая машина! Отродясь такие не призывали у ворот.

— Ах ты... Куда подевалась... — нервничала, заталкивая вещицы в сумочку, Эльмира.

— За тобой! — сказала тётушка Фатыма. — Сам, наверное. — А кто «сам» — не задумалась. Спорхнуло с губ.

— Да за мной, за мной! Именно, сам! — с шумом выдохнула Эльмира. Будто мяч напоролся на гвоздь.

На цыпочках подкралась к окну, будто тётушка Фатыма в ту памятную ночь, но створки не откинула, а боязливо выглянула через герани, смахивая волосы с лица.

Гудок повторился. Человек ещё выждал. Потом стукнула калитка. Отворилась тихонько дверь.

— Есть кто живой?

На пороге стоял совершенно незнакомый гость. «Не тот, который на руках собирался носить...».

Тётушка Фатыма отступила в сторонку.

— Эльмира разве не у вас, апа? Я жену ищу.

Что за непостижимые слова произнёс этот внезапный человек. Разве у девушки Эльмиры есть муж? О аллах! Ни словом не обмолвилась об этом... Вот нелепица-то! Кому что померещилось — ему, ей? Может, оговорился...

У тётушки Фатымы закружилась голова. Она почувствовала слабость в ногах Мяла, бессловесная, передник.

Выпорхнула Эльмира, щебечущая, захлёбывающаяся от радости. Кинулась в объятия мужа.

— Не утерпел, по маленькой Эльмире соскучился, — целовала она его щёки, вытягиваясь. — Понял, что без меня жить не можешь. Ворчун ты мой драгоценный! — Обернула смеющееся лицо к тётушке Фатыме. — Апа-душечка, это мой муженёк. Я же тебе о нём все уши прожужжала. Так люблю, так люблю. Всех, всех... Если есть машина, зачем ждать завтрашнего дня. Он у меня нетерпеливый, апа-душечка, и не в такую даль приехал бы. Всё высчитал...

Она трещала, трещала без умолку. Щёчки разругались от волнения.

Тётушка Фатыма не знала, куда себя деть. Переступала с ноги на ногу, глядела мимо гостей, как чужая в своём тёплом доме. «К Зайнаб, что ли, скрыться?» — возникла и тут же пропала мысль. Она же хозяйка прежде всего, какое ей дело до всяких тонкостей. Может, всё идёт как надо, как должно быть. Где их понять жалким умишком, который вовсе усох от одинокого затворничества.

Показалась она себе старой, никчёмной, подозрительной.

Пошла готовить чай.

Пригласила гостей к столу.

— Угощайтесь, — сказала задумчиво и зачем-то перевязала поплотнее платок. — За осенью придёт зима, куда денешься. Посидите уж без меня, к подружке схожу.

И глядел с фотографии Мухамметвали на её опущенные плечи.

Перевод Рустема Кутуя

